

18+

РИНАТ ВАЛИУЛЛИН

ПИСЬМА
ИЗ ОДИНОЧЕСТВА

Ринат Рифович Валиуллин

Письма из одиночества

Серия «Антология любви»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57191795
Письма из одиночества: АСТ; Москва; 2020
ISBN 978-5-17-118848-1

Аннотация

Бич человечества – это одиночество, и с каждым годом он будет хлестать все сильнее. Как бы много люди ни общались в виртуальном пространстве – оно отдаляет, все меньше сам мир нуждается в людях. Одиночество – это не выбор, это естественный отбор. Технологии отбирают у людей все живое общение, общество и государство – все душевное. Они уже проникли в людские желания, сегодня предугадывают их, а завтра намерены диктовать. Человеческого в людях все меньше. Знаете, что держат люди за обедом вместо хлеба? Телефон. Из всех расставаний самое чреватое на сегодня – расставание с телефоном. Но вся беда в том, что у главного героя романа, юноши, запертом в одиночестве навсегда, нет даже телефона – только совсем небогатый жизненный опыт, несколько писем и огрызок надежды, что он еще сможет когда-нибудь увидеть свет. Роман, полный печали, тревоги и большого мужества. Основан на реальных событиях. В книге использованы письма автора.

Содержание

1 час(ть)	15
2 час(ть)	33
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Ринат Валиуллин

Письма из одиночества

© Валиуллин Р., 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

*Люди сделаны из одиночества еще в утробе,
потом уже, выйдя в свет, мы пробуем всех на вкус,
пытаясь понять, с кем одиночество вкуснее.*

Здравствуйте дорогие
мои Мама и Папа.

Был я далеко от вас, а теперь
еще дальше — всего 7 км от Нор-
вешской границы, за Мурманс-
ком. Здесь еще омарко — лето
в самом разгаре (листья распусти-
лись лишь 3 недели назад), солнце
заходит за горизонт лишь на
пару часов.

Служить начинаю ровно через
несколько после призыва, до этого
совершил «интересное» турне
по северной части страны
Ленинград — Пушкин — Ленинград —
Петрозаводск — Мурманск — Титовка
К сомапенню войска морской
пехоты **к** 22 июня были пол-
ностью укомплектованы, **и** я попал
водителем в артиллерию. Со

многие призывались в основном
студентами (после I и II курса)

Работа интересные, уличные, веселые,

попытки всех разбавлять на

В столовой госпиталя я не спеша разбираю суп из вермишели и курицы, вылавливая мясо. Вместо хлеба я держал книгу.

– Меня тоже уже тошнит от этого супа, – усмехнулся рядом со мной чей-то недовольный голос, когда поднос незнакомца совершил жесткую посадку на стол, за которым сидел я. Приборы звякнули, их хозяин приземлился рядом.

– То ли дело дома. Мама такой борщ готовит – пальчики оближешь. – Он сломал хлеб и начал довольно лихо опустошать тарелку.

Я ничего не ответил, только улыбнулся вяло в ответ, не отрывая взгляда от книги. Книжку нашел в тумбочке в своей палате, видимо, кто-то оставил для следующих поколений. Это был фантастический роман, в котором землю поразил неведомый вирус власти.

С неба упал слон. Пять тонн африканского мяса. Рано утром прямо в сердце города, на центральную площадь одной независимой республики. Она еще никогда не видела столько тела: туша разлетелась на многие километры, горячая кровь хлынула по улицам, в соседние города и страны... Правительство в панике, оно не знает, как убрать с улиц такое количество плоти, которая неожиданно вдруг задыхалась и пришла в движение. Против слона были брошены военные силы. Кровавое пролитие. Через несколько дней кабинет подает в отставку, понимая, что ситуация вышла из-под контроля, спешно покидает страну вместе с прези-

дентом. Слон тем временем полностью оклемался, встал, потряхнулся, собрал парашют цвета национального флага и рассредоточился по своим делам. Никто не знает точно, откуда он взялся и куда делся, говорят, что позже его видели в других странах.

– Я – Батя, тебя как зовут?

«Мать» – захотелось ответить мне, когда я оторвал глаза от книги и увидел сытое ленивое лицо.

– Фолк.

– Фолк?

– Да.

– Странное имя.

– Народ значит, по-английски, – не стал я объяснять, что на самом деле это производная от Федор Волков. Не было никакого желания продолжать пустую беседу о том, кто где служит и кому сколько осталось.

– А, – отстал от меня дембель.

Я снова вернулся к книге, как к мысли, от которой пахло чем-то знакомым.

Закат убивает красотой тысячи людей, ему скучно умирать одному.

Корабль стоял на рейде в руках уходящего в завтрашний день солнца. Море пощечинами выражало ему свои чувства, оно не умело по-другому. Прозрачное, цвета индиго, небо не предвещало ничего особенного, если не считать чаек, которые взяли весь этот чудесный день в кавычки своих тел,

они нарезали воздух на невидимые лоскуты и кричали, будто пытались сказать: не верьте, это все иллюзия – бродячая собачка вашего воображения. Мир кошмарен, еще кошмарней, чем война, он мучает, прежде чем убить, он любит, прежде чем кого-то другого, он съедает, прежде чем выплюнуть.

Суббота. Военный корабль покачивался гренкой у берегов тарелки с рыбным пересоленным супом Тихого океана. Большая часть офицерского состава вышла на берег в увольнение, в нашем кубрике матросы праздновали день рождения одного из старослужащих, ели жареную картошку с тушенкой и пили заранее купленную водку. Водка всегда вызывала не только тревогу, но и массы.

– Ну и вонь. Что за х...?

– Кто наблевал в кубрике?

– Алекс, ты, что ль? – увидел он на койке мертвое тело своего друга, лежавшее с открытым ртом, будто отверстие хотело что-то изречь, но все слова вдруг превратились в длинную липкую слюну и потекли на пол.

Рядом растеклось бурое болото извергшейся из чрева лавы, блевотина всегда вызывает чувство отвращения, независимо от содержания, ее кислый запах лез в нос, как будто Алекс выплюнул банку протухших помидоров, которая стрельнула после долгого хранения в подвале желудка. Теплая и навязчивая, она прилипла к полу как оскорбительное высказывание, позвольтельное только в пьяном угаре.

– Сука, Алекс! Говорил тебе – закусывать надо!

– Дневальный! Где дневальный? Сюда его, быстро!

– Кто сегодня дневальный? – продолжал орать Бледный (так между собой звали старшину нашего отделения, именно это прилагательное выплывало из подсознания при виде его лунного, поглощающего свет лика). Было у него и еще одно прозвище – ФБР, которое он приобрел за инициалы (звали его Филькин Борис) и которым бесконечно гордился. Бледный пользовался непререкаемым авторитетом, он готовился к дембелю, и те, кто хоть как-то зависел от него или искал этой зависимости, звали его ФБР. Не было в Борисе никакой красоты, но и уродства тоже не было, человек с никакой внешностью, будто повернулся к миру тыльной стороной своей личности, устремив взгляд в себя, вовнутрь, высматривая в потемках душу. – Кто сегодня дневальный?

– Фолк, – ответил вездесущий Колин.

– Сюда его быстро.

Фолк – это был я. Я сидел с книгой вдали от праздника. Колин (один из моих приятелей по призыву) подбежал ко мне, как почтальон со срочной телеграммой, в которой написано: «Срочно выезжай, дедушке плохо».

Я вырвал из книги последний абзац:

«Люди – как комнаты, некоторые готовы и сдаваться, и сниматься, лишь бы любили, другие же не сдаются и не снимаются, потому что не хотят жить в беспорядке». Она относилась к последним, но в этот вечер ей ни в коем случае не хотелось

оставаться одной. «Но тогда с кем?» – перебирала она в голове, потягивая мартины. Одной голове было известно, как легко перебраться, пока перебираешь, с кем скоротать вечер, потому что всякая женщина делает это с прицелом на жизнь.

С трудом отобрал взгляд у книги и отдал его ненадолго Колину, а чуть позже – ФБР.

– Где тебя носит, душара? Ты че за порядком не следишь? Бегом здесь все убраться. Видишь, дедушке (вновь призванных, таких, как я, в армии звали духами, дедами звали старослужащих) плохо?

Именинник извергся вулканом и затих, тело обмякло, как старая простыня, волосы сбились, и уже не знали, куда им расти, часть лица стекла и образовала лужу. Сейчас он действительно был похож на младенца: влажного и липкого, рожденного на свет в сапогах и тельняшке, разве что не кричал, а что-то бормотал себе под нос, что-то невнятное и воющее.

– Не буду, – вырвалось у меня бессознательно.

– Совсем охренел, что ли? Быстро схватил ведро, швабру и вперед, пока я добрый.

Глядя на эту темную осеннюю лужу, без фантазии, без отражения, уже точно знал, что не буду ее убирать. Осень я и вправду не любил: слякоть, скука, небо неделями не меняет белья, грязь, которая волочится за тобой повсюду, целует твои ноги, оставляя на них следы коричневой помады, толь-

ко бы ты взял ее с собой в дом, жижу свежесжатого сока земли, отдаленно напоминающую эту массу на полу. Разве что та не пахнет, хотя кто ее нюхал?

– Повтори, что ты сказал?

– Я не буду.

– Никакого уважения к старослужащим, – вздохнув, кинул он тень усталости зрителям партера и злорадно ухмыльнулся своему внутреннему миру.

Я снова нырнул взглядом в лужу (какое-то странное любопытство тянет повторно взглянуть на мерзость, отрывая взгляд от уродства, ты непременно бросишь его туда еще раз), в этот момент влажная тряпка ладони, полной горечи, влетела в мою скулу. Щека вспыхнула огнем, но в глазах потемнело. Из внезапно налетевших сумерек показались довольные черепа зрителей с дымящимися сигаретками. Стену хохота, вставшую между мной и остальными, разрушил голос Бледного:

– Ты что, в карцер (карцером здесь назывался железный ящик для торпеды, будто специально созданный под размеры человека среднего роста. Наказание было не для слабонервных, я в него забирался, конечно, но меня там никогда не закрывали, даже раздирало любопытство) захотел?

– Мне все равно, блевотину убирает блюющий, – про себя подумал: «В карцер, так в карцер, заодно и себя испытаю, и поплю», очень хотелось прилечь.

– Духи совсем оборзели, – обратился Бледный к обще-

ству, выпрашивая поддержки. Общество поддержало, и я чуть не рухнул от удара чьей-то ноги в спину:

– Может, отделать его для начала, чтобы другим неповадно было?

– По лицу не бейте, потом говна от командира не оберешься... – подписал приговор ФБР, но спустя мгновение изменил меру пресечения: – На х..., не будем руки марать, не будем портить праздник, посадим его в карцер. Пошли, дух, раз такой смелый. Посмотрим, как ты запоешь через два часа. Ключ от склада будет у меня, – прощался ФБР, – так что на своих дружбанов даже не надейся.

Здравствуйте Дорогые мои!

Как поживаете? Я - то как? Я умираю
но сами знаете служить нужно везде,
да! и везде - кораблю. Нагались курсы,
вспомогательная - да обедая углился на все,
конечно: радиобудильники нам урели стрессом, ста-
тивной, другой, подготовкой (при-
ного мало), когда отработают от одного
бросят в другое работ занять занять
наше свободное время которого у
нас того мало. Но: 1) начальник всегда
прав, если начальник не прав - смотри
пункт 1) (основной закон Советской Армии)
Ну никто-то знает местные законы

Ци вобщем складывается так: впереди
легче, что сейчас я в страдании
нашим молодым - радиобудильником;
играли в шахматы - востан - своим трудом,
гражданским. В 16⁰⁰ встречившись в боевой
если их метод так не будет, и отрабо-
важно не стесняясь расстреляют на нем.
радостно не обвешать, простите зем-
да быта не тешилось, а лишь трудились
(физически)

Мамочка, Папочка, как только пойма-
тыт Альберт снимитесь на фото для меня. Я
была бы рада приятно пообщаться на
ровные ~~то~~ улыбки

минуты умотень
О мамочка-мать,
Я мечтаю ~~к тебе~~ к тебе улететь
еще существует лине твоя скучаю,
Но ты всегда рядом, я знаю

Жить здесь, можно, даже вполне
главное говорят привлекнуть, а это
придет со временем.

Стану настоящим водителем (после
курса обучения, который закончили
уже где-то в конце сентября), отрою
курс на постоянное место службы
в Титовку. Там есть автошкола на
базе ЗИЛов местного комзобования
намеренно, выучить меня еще и
на крановщика, так что мамля
где-нибудь зыльси, итс тобой, стоим
крановщиками-крановщицами, правда спе-
циалитка несколько другая, но всё же.
Срок обучения месяца 3. Вот такое
мне пока преобрели будущее, посмотрим.

Как ваши дела? Чем занимаетесь?

Жалею только письма долго идут,
сегодня получил первенец из Пурисина,
приятно.

Папа! Поздравляю тебя с Днем
рождения! Мама! тебя также с
праздником, нелегко быть теной рывака

Январем привет д. Канюру, г. Нурье, маме
д. Марсу, т. Дви, Робиню, Ильдару, Роберту, д. Гуи
т. Фов, Ильдару, если он еще дома, вообще
всем новыми родными и близкими миг-
но

10. 7. 88

Спасибо!
целую
ваш сын Ринат

1 час(ть)

Я не страдал клаустрофобией, но металлический кафтан был сшит как на заказ, там совсем не оставалось свободно-го пространства, его крышка в напутствие обдала меня вол-ной воздуха, едва не коснувшись лба какой-то внутренней перегородкой. После того как футляр сомкнул губы, замки огрызнулись, на глаза наступила ночь своими грязными пят-ками. Темнота легла черным покрывалом, хоть закрывай гла-за, хоть открывай – ни звезды. Я почему-то вспомнил «че-ловека в футляре», стало даже смешно и не так одиноко. Го-ворили, что воздуха должно здесь хватить на 3–5 часов, ни-кто точно не знал этого, меня закрыли всего на два, а это не так уж и много – всего одна пара и еще полчаса. Вот она, тишина, наконец-то теперь можно поспать спокойно. Спать, спать, какой кайф. В одиночестве скрывается какой-то глу-бокий смысл, возможно, даже спасение души (душа – это то, что все время нуждается в спасении), для тех, кто понимает, в армии, как нигде, я научился его ценить. В одиночестве нет более понятного собеседника, чем ты сам.

* * *

Я проснулся в гробу, гроб стоял в Колонном зале, иг-

рал траурный марш и пахло лилиями, нескончаемым потоком тянулись люди. Они возносили венки, на которых золотым по черному было написано: «Фолк Индепендент умер в самом расцвете, вечная память ему, вечная слава мученику, вечная райская жизнь». Черным батистовым хвостом попрощаться выстроилась очередь из близких и далеких, родственников и общественников, женщин в платках ночи и мужчин с лицами цвета хаки, они подходили, кто-то говорил несколько слов, кто-то молча, кто-то касался руки, кто-то целовал в щеку. Я им тоже что-то отвечал высохшими губами, даже пытался подняться, но меня останавливали, говорили: «Все будет хорошо, спи спокойно, спи спокойно, дорогой Фолк».

Подошла мама, я никогда не видел столько слез на ее лице, это было похоже на горький ливень. Оно – как поле бессонной битвы: брошены веки, спущены мокрые знамена зрачков, в них утрата, поле покрыто телами убитых родинок, седые леса висков, воронка дрожащих губ, над ней влажная высота носа, казалось, погибла сама сущность материнской жизни. Бой заканчивается, когда больше некого убивать. Она обняла меня и начала целовать в щеки и губы со словами:

– Извини, сынок, не уберегла я тебя. Прости. Здесь я не выдержал:

– Мама, что происходит? Почему ты плачешь? Но она уже не слышала меня, отшатнулась и потеряла сознание, двое

молодых людей в черных костюмах с траурными лентами на руках подхватили ее и унесли.

– Мэри! Что это? Что за маскарад?

– Твои похороны, – ответила она высохшей розой губ. – Я сама не знаю, почему тебя решили похоронить. Сказали, что лучше об этом не спрашивать.

– А где Бледный?

– Не знаю, наверное, он остался на корабле. Затем подошли члены правительства, другие официальные и неофициальные лица.

Подошел Колин с жалкой миной:

– Чувак, извини, я не виноват. Просто я испугался.

Здесь я увидел Бледного, он нес венок с бантом из Георгиевской ленты, и, казалось, был еще бледнее чем прежде:

– Я не думал, что ты так быстро, мы уснули, а потом было уже поздно. Ты же сам виноват, я же тебя как человека просил.

«Странное дело, – подумал я, – в момент просьбы все мы люди, а если откажем – сразу переходим в разряд кого угодно, но только не людей».

Остальные лица слились с грустью стен, некоторые из них мне казались знакомыми и даже приветливыми, хотелось помахать им рукой, но руки затекли, затекли куда-то под туловище, толпа постепенно редела, и, наконец, гроб с начинкой из моего тела погрузили в катафалк.

Чертовщина какая-то. Минуты две я лежал с открытыми глазами, пытаюсь понять, к чему бы такие сны, мне даже показалось, что я выспался, как никогда не удавалось за последние несколько месяцев. Руки были в крови, которая застоялась и покалывала булавочками, будто бы я их отлежал. Я начал усиленно сжимать и разжимать пальцы, чтобы она пошла дальше. Сколько же прошло времени? Думаю, где-то час, значит, еще есть время поваляться или поспать еще немного, пока меня не выпустят. Интересно, кого заставили убирать это пахучее болото, наверное, Колина, он обычно оказывался самым крайним и доступным для таких маневров, после пары оплеух или даже без них. Слабоват чувак, малохольный какой-то, хотя и безобидный.

Тишина... И я постучал по стенке ящика, будто проверяя первую на вшивость, смогу ее спугнуть или нет? Она вышла ненадолго, но сразу же вернулась, потом крикнул: «Гондоны, выпустите меня отсюда!», и сам чуть не оглох от такой смелости. В ящике и вправду стоял какой-то презервативный запах, похоже, это резиновая прокладка так надыхала. Тишина – способна ли она утомить? Пожалуй, что нет, ею можно накрыться, как одеялом, она, конечно, не согреет, но создаст уют, если ты способен ее выносить, пока не закричишь: «Вынесите, пожалуйста, отсюда эту тишину, она уже

сдохла и воняет!». В основном люди боятся ее и гонят, люди всегда пытаются избавиться от тех, кого боятся, я сразу вспомнил своего соседа по общежитию, с которым жил еще на первом курсе, пока я не снял себе отдельную комнату. Он не переносил тишины и, возвращаясь домой, сразу включал комп или телек, утверждая, что именно это позволяет ему расслабиться полностью, что отсутствие звуков его угнетает, что именно шумы создают ту картину мира, которую мы наблюдаем. Отчасти он был прав: каждый имеет право на свой шум, на свой рок, на свою классику или джаз, на свою стену от других, выстроенную с такой легкостью, нажатием одной кнопки, невидимую, как и ту, что сейчас окружала меня, я мог ее только нащупать пальцами. (Музыка всего лишь шум, который извлекли так, чтобы он нам понравился, книги – всего лишь буквы, которые собрали так, чтобы они залипли в нашем мозгу, фильмы – всего лишь картины, в которых сняты те, кого мы хотим видеть.) Но пальцам постоянно надо что-то щупать, мои в данный момент точнее было бы назвать щупальцами. Сейчас они ощущают прохладную внутренность ящика, стенки без окон. Да, вот окна здесь, конечно же, не хватает, можно только представлять, что происходит вовне, который час, и когда уже ужин. Взгляд окна сосредоточен на внешнем мире, оно упорно смотрит в одну и ту же точку: утром, днем, вечером, всем бы такую концентрацию внимания, осознать смысл жизни с одного пейзажа, но человеческий взгляд другой: глаза бегают, врут, притворяют-

ся, заискивают, в моих сегодня был испуг, Бледный любит, когда его боятся, когда пресмыкаются. Интересно, что сейчас выражают мои зрачки? Наверное, в них выпросительный знак, я выпрашиваю у темноты: сколько времени? Страшно, но я его упускаю, однако не все ли равно, где его упускать: здесь, в армии, в ящике или там, на гражданке – в городе, на кухне, в постели, в сети?

Здравствуйте, Дорогие мои
Мамы и Папа
Альберт

Наконец-то могу написать вам всем
вместе, как Альберт в былые
времена.

Под трюном господ присяжные
судователи. Заседание проводится
в воскресенье (24 июля) принял присягу.
По такому случаю ко многим
ребятам приехали родители. Мы же
все в человек - Петровградцы, такое со-
бытие (!) отпраздновать, такое с
единственными и неслыханными. Они
сразу внесли в нашу солдатскую
жизнь гражданские мотивы: сразу
после присяги вся эта военная-гражданская
команда переехала в соседний городок -
Запоярды, я, по просьбе наших му-
жиков и их предков, решил с ними.
В свое первое увольнение. Ко-
нечно было здорово, только вот
народная форма несколько
стесняла наших ребят. Родите-
ли навели всевозможнейших ска-
зок, по солдатской жизни, гостиниц.
Цельный день за одним столом
гоняли там кофе (не тот фронтный
вариант, гелч, нас в солдатской сто-
ловой, потгивают), настоящий бразиль-
ский с тортилли, кончиками дру-
гими слабостями; решали много
работе проблемы, смотрели телеви-
зор, просто стояли. Всяко же
есть: вот уже

наш автобус остановился
"родной" такси. Но всё-таки класс-
ско мы заработались.
В понедельник всех раскидали
по своим подразделениям, лишь
мы с Фимой не считая в амер-н
остались в "сборной" до 1 октября!
водителей
Теперь встречаемся лишь в столовой
или еще где — есть контакт!

Вы за меня, болельщики, не волнуйтесь —
конечно выдержу (я же с Урапа)
кто нам стоит. На счёт книг **нам**
ты хорошо придумала, как только
в титровке обзвись — спрошу, пора
готовиться, тем более, что льготы **лишние**

Альберт, ты уже дома, да-ка я
тебя поцелую по братански. Падно-я
Что, мама-папа?, изменился наш
студент? Наверное, ах, укажи куда-
нибудь на ногу? Он такой. Отдыхай,
конечно, разве я против

Мама! Изображаю тебя с каникула-
ми! Позинтсия ты в Ленинграде со-
бьраться, обязательно собьрись, не по-
жалеешь. Билеты куплены? Счастливых
путешествий. А огород ~~не~~ не забанет
ему также переобильна неудобна!
Сейчас самый тих сонений, или рано-
вано? У нас ягода лесные поими

Как там наши родственники и
знакаете помибанот? Какие на-
вности.

Человеку нужно разнообразие, разные страны, ему не хватает постоянства, которое есть у окна (он разбрасывается, разбрызгивается, разменивается), а у меня и окна-то нет, не предполагал, что так хреново жить без окон, мрачно. Можно прожить без неба, без солнца, но без окон – нет. Окно – это информация, Windows, они на сегодняшний день самые главные окна мира, с занавесками из сетей. Проснулся – сразу к нему, что случилось в мире, что ужасного с ним, что сносного у друзей? Сейчас я могу только придумывать, что там происходит, у меня нет окна (почему в гробах нет окон?) и я не вижу, что ты сейчас делаешь, Мэри. Что она сейчас делает? Кино, наверное, поставила, она любит по вечерам смотреть что-нибудь бескровное, женское. Сейчас я согласен даже на мелодраму, головой прильнув к ее груди, глазами – к экрану. Телек – тоже вариант окна, довольно навязчивый, как и всякая чужая мораль, но время убить можно. Легче всего его убивать во сне, и первая мысль после пробуждения: сколько времени? Неужели проспал? Черт, ты все проспал, остался только час до конца твоей никчемной жизни. Да если бы мне всего час остался до смерти, всего час, ничего не стал бы менять, проспал бы еще раз. Если можно проспять жизнь, почему бы не попробовать проспять и смерть? Не бросился бы ему, времени, вдогонку, делать хорошие дела, отдавать долги, просить прощения, ловить каждый момент – все это только распрекрасные слова. Казнить себя за убийство времени или помиловать зависит полностью от настроения.

Люди одного цвета и разного размера, серые и спешащие – кто на работу, кто домой, на диванчик, в телевизор, в тоску, словно мыши, сновали взад и вперед. Их слипшаяся в рокот близкого океана речь притупляла слух. Подъезжавшие электрички отрыгивали новые массы мрачных, озабоченных одиноких сдвоенных, грустных, духовно и радостных материально, поглощали свежую порцию подобных и пропадали в кишке тоннеля. Я пробовал их взглядом на вкус – нет, невкусные, какие же они невкусные! Некоторые из них пытались заглянуть мне в душу, они останавливались, рылись в карманах, иные, ничего не обнаружив, сочувственно кивали, другие протягивали найденную мелочь, реже – купюры. В отверстиях для глаз ничего, кроме жалости – это все, что осталось у этого народа. Чем больше в человеке жалости, тем меньше самого человека.

Что это со мной – реинкарнация? Лежать было неудобно, и я пытался вытянуться и поменять позу, но одежда, в которую был запеленут, не отпускала, меня держали зеленые рукава женского пальто, я видел смуглый двойной подбородок, ухо и смоляную прядь, торчавшую из-под платка. Мадонна с младенцем сидела на голом полу метро с табличкой о том, что сын болен, и нечем его лечить. Самочувствие мое действительно было не очень, знобило и подташнивало, не бы-

ло сил разговаривать, и я молчал, все время хотелось пить и спать. Мадонна периодически совала мне в губы бутылочку с желтой смесью сока и алкоголя, и я сосал с жадностью и отчаянием, мозг тяжелел, как подгузник, звуки отдалялись, как эхо, глаза медленно закрывались, как кувшинки на ночь, любуясь своим отражением в воде, а я – в массах, и не любуясь вовсе.

Неожиданно возник человек в форме, женщина его узнала, приподняв меня, вытасила что-то из-за пазухи, он наклонился (я вдруг подумал: «Зачем люди так поклоняются деньгам?») Поклоны все ниже, они уже достигли низости, от которой тошнит, ее уже причисляют к бизнесу, к бизнесу, где ничего личного, только прибыль, но деньги липнут к рукам, это провокация, и совсем не важно, в какой позе человеку это удастся, в форме или голым, лишь бы побольше, он ради них способен на многое, даже на большую любовь. Лозунг о том, что любовь не продается – устарел, деньги и есть любовь, люди в них влюблены и пытаются добиться взаимности, они решили, что если их полюбят деньги, то остальные уже никуда не денутся, даже дети – цветы не растут в нищете. Кому-то ради этого надо просто нагнуться, другим – вставать раньше солнца, входить в пустоту улиц, цехов, мастерских, офисов, тел, кабинетов и заниматься любовью, кем-то другим, нелюбимым делом, сегодня деньги, как никогда, требуют жертв), его рука проглотила купюру, как оголодавший банкомат, он выпрямился и ушел.

Спасибо большое за перебор,
дзень кстати просто когэтыя чысп-
ва геро-нібуць "домашнегс" (не
мама, совсем не то, что ты члвкш,
близка, не то) ~~зайдеш~~ с ребята,
мы в Чайную, урядом. В
местном магазинце, встречается
спущенка (мажэство №1)

Вот и гитара, появилась в Губицко-
не, шуместобоящий инструмент.
Сегодня суббота, однако выходной:

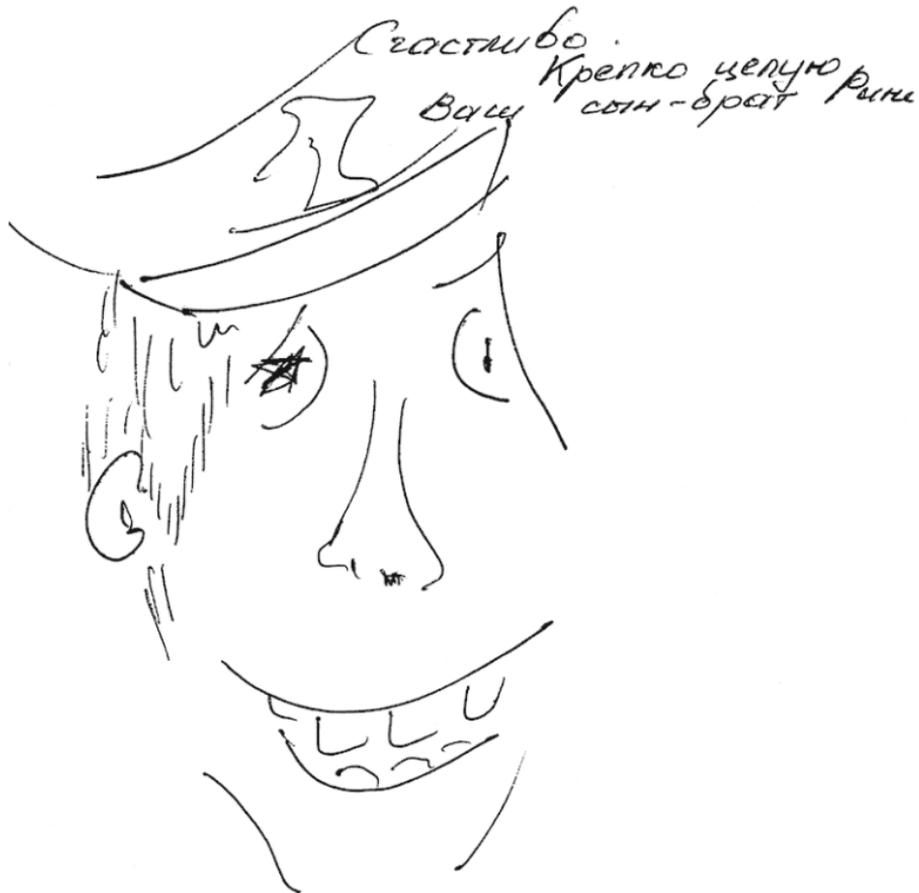
День рождения гости (45 штук) у
Мизныль состав в положении покоя
Зато орциерский летает; будут ко-
мандно-штатные членя; генерала
прибыти "погостить", местное на-
с тобой потом поговорю) ищришко, за-
протало

~~Такие~~ Такие "пирогы" на день
грядущий

Ра, за конверты спасибо,
на днях загрузился светлей партией
Большее выдвигать не стоиГ.

массою: морошка, порубика, герника. Для
меня эти плоды в диковинку, у нас
таких дай в таком количестве не встре-
гають, а здесь природа дикая, при-
выкательная лишь к "стрекотне" вертелё-
тов да скрежсету танкеток.

Что ты, поздравляю, пора мне.
Мелко Малю и Альберт
Папе Боброх Будней

Люди одного цвета, одного вкуса, одной безвкусицы, я ни-

когда не думал, что они так похожи, когда в толпе, я был одинок в своих анализах, но эта толпа показалась мне еще более одинокой. Ее выдавливало, как фарш из мясорубки, из вагонов подъезжавших электричек. Серая гидра проползала по залу, разбрасывая свои конечности в приходящие поезда, на эскалаторы, в переходы и исчезала до следующего поезда.

Подошли двое, они были неплохо одеты, один седой и с большим разваливающимся рылом, другой, напротив, сухой и холодный, со стеклянными глазами, был похож на весеннюю сосульку. Мне показалось, что где-то я их уже видел. Но где – я не мог вспомнить. Женщина сразу вздрогнула и засуетилась, вытащила из-под себя пакетик с деньгами и протянула одному из них.

– Это все?

– Да, – выдохнула Мадонна.

– Живой? – повернул он мою голову мясом своей ладони к себе.

– Да, еще дышит, но плохой совсем, водку отрыгивает, выработался, скоро надо будет менять.

– Хорошо, пусть пока работает. Вечером коли ему героин. Думаю, еще протянет какое-то время. Скоро новых должны привезти, так что будет у тебя свежий инструмент.

– Героин кончился. Инвалиды, те, что по вагонам ходят и на трассе, ни х... не хотят работать, пришлось им увеличить дозу, сами убогие, а колют больше, чем здоровые, – пожаловался стеклянный.

– Все стремятся к бесконечности, даже те, кто ее уже достиг, – усмехнулась развалина, потирая руки. – Товара не хватает, все отдаем в школы, там спрос растет день ото дня, куда только родители смотрят.

– Ладно, разберемся, – сказал Сухой. С этими словами их поглотили массы метрополитена.

Я – искусственный наркоман, маленький алкаш, инструмент в образе этого свертка хотел им что-то крикнуть, но в этот момент все поплыло, в легких не осталось воздуха, силы меня покинули, и стало так безразлично, никто не слышит меня в этой толпе, у толпы нет слуха, вялая плесень равнодушия покрыла ее с головы до ног, я уткнулся в зеленую крону мачехи и тихо заплакал.

– Поплачь, поплачь, люди любят, когда кто-нибудь плачет, жалеют тех, кто плачет, вот и денежки потекли: чем больше слез, тем больше денежек, – успокаивала меня Мадонна. – Нам с тобой еще четыре часа работать, а ты уже всю водку выжрал.

Засыпая, я наблюдал за массой, одетой в пальто, они все подходили и протягивали руки, как будто хотели поздороваться, но в последний момент, выбросив монету, отдергивали с полной ладонью исполненного долга, жалость выплескивалась из их кошельков, бросала мелочь и уходила по своим делам. В этот раз это была симпатичная девушка, ее глаза показались мне ясным небом, а губы – розовым рассветом, легкий ветер сочувствия восторженно встрепенул мое сознание: и толпа не

без красавиц. Чуть поодаль замер молодой человек – видимо, ее парень, с открытым, как окно, лицом, он был снисходителен к жалости своей подруги и терпеливо ждал – у каждой красоты должен быть свой телохранитель, свой подрамник. Через несколько секунд их съели, их съело человечество, унесло людской рекой, которая не замерзает даже зимой. Меня знобило, не было слов, чтобы сказать людям, куда идут эти деньги, может, на наркотики, которые завтра в школе продадут детям, если их еще не своровали, как и меня. «Звоните почаще своим детям, им этого не хватает», – прошептал в тишину.

Здравствуйте ^{и мои} Дорогие,
ислюбка и полюбка!

Всё меняется, изменились и мои коор-
динаты, в связи с подготовкой на водит-
еля заповарья. Симметрично проложу курс
молодого бойца (это менее приятно, но ни-
чего - служба есть служба). Стажировка
продлится пару месяцев затем снова
Титовля (от неё ~~недалеко~~ до Аустари).
Сегодня уже обновил шинель (+2°) вот
такое у нас лето

Вот как живёте? Помните, пусть ваши
или письма согреют меня, сами
знаете здесь не сладко, но ничего мы
народ затепённый: и морально, и физич-
чески. Ещё бы за пару лет не

опуститься умственно (не одубеть), опять
же должна помочь перепецка.

Как там наш сад-огорок? Здесь
с этил не гуето, деревья растут
на камнях, но зато работ, как
самой царской (сёмга, форель...) Ну, ма-
на ты бы заработалась от души. Кстати
на рыбалку-то съезди? Если так, то мо-
лодец, а нет, приеду, ~~и махнём~~

и махнём вместе.

Скоро Альберт на каникулы приедет,
наверное уже ждёт, Пусть отдохнёт
как следует, I курс всё-таки позвонит.

Сегодня кино крутили жуть и индийское, но
всё же кино (иногда) удобнее заглянуть
в телевизор, что зовёт кино как жаркая пле-
няя вояк цветными изображениями своим.
На счёт вариантов само не волнуетесь -
Северный вариант: пучки из картошки,
мисо, на завтрак (кофе с молоком по-
роге) повар настоящие солдатские харчи

Воскресенье - небольшая перебивка перед новой
тарелкой недели: расположились у телевизора,
поднимаем шнелли, худобатра, работа, конечно
лучше, чем заниматься строевой или кидать
куртки! эти нас там нередко тренируют.

В целом на жизнь армейскую толкаться
не приходится ... таль только, что убоёт
безвозвратно целых 2 года. Да и спусковую

Здесь - они друг от друга отличаются лишь
нюансами, а время тегёт

Жилили новостями живёт Салават? Чем
сами занимаетесь? Пишите, не стесняйтесь

2 час(ть)

Сны, из которых ты выползаешь с таким облегчением, с такой искренней радостью, что хочется любить всех, даже свое отражение в зеркале, если это был кошмар, и с такой досадой, если ты просыпаешься в своем проблемопитомнике, в аду. Иногда ты даже начинаешь понимать: это сон, и скоро я проснусь, окажусь в месте, где ждут и любят, и вот я проснулся, и что? И ничего... Черная тишина: не ждали, не любили, ушли. Даже просыпаясь самой темной ночью, я вижу силуэты знакомой обстановки, предметы, звуки. Здесь – как в гробу, в глаза уставилось отчаяние.

Война внутри самого себя, где от меня зависит только высота духа, а он уже давно болтался в петле обстоятельств. Необходимо думать о чем-то простом и приятном, чтобы выиграть время. Казалось, время вышло... Вышло из этого ящика пространства, ему стало душно здесь, тоскливо и одиноко (и это уже другой вид одиночества, который раздражает, как диагноз какой-то заразной болезни, от него бегут), мне нечем было развлечь свое время. Оно не терпит скуки и уходит, туда, где весело, куда его проводят с большим вниманием, это и есть времяпровождение.

– Выпустите меня отсюда, уроды, я вас буду целовать! Откройте эту чертову коробку! Вытащите меня отсюда!

Сколько прошло? Сколько оно прошло? Коридор, лестни-

цу. Сколько его прошло? Час, часы... Я могу думать об этом часами, не мозгами, а часами, теперь в моей голове вместо них часы, они ходят, ходят вокруг меня. Секунда – мысль, минута – та же мысль, час – мысль на месте, она навязчива и не отстает, как старый кусок скотча, навязчивую мысль можно было прикрепить к предметам вокруг, мне было не к чему, кроме темноты – ничего... Время ушло, завалилось на койку и засыпает, а она осталась.

Нет, оно шло там, в кубрике, где действительно все уснуло пьяным сном, командиры опоздали на вечернюю поверку, в ночном сопении не спалось только Колину, он боялся. Он знал, что его приятель сейчас лежит один в ящике из-под торпеды и, возможно, ему уже нечем дышать, и он уже не чувствует своих конечностей, но было страшно: несколько раз Колин подходил к спящей луне Бледного, репетировал речь, с которой он его растолкает и попросит ключ от склада, но снова возвращался, ложился и пытался заснуть, презирая себя за трусость и оправдывая одновременно. И так несколько раз в течение двух часов. Он был в ступоре. Ему было страшно и неудобно будить дедушку среди ночи, понимая, что за этим последует, что он элементарно может получить пи... Но даже не побои его пугали – он к ним уже привык, а то, что никогда не сможет сделать этого, пусть речь шла бы и о его жизни. Люди, до чего же они робки порой, что даже готовы за это заплатить жизнью, некоторые умирают, пока кто-то принимает решение. Наконец, ему удалось дого-

вориться со своей совестью, он накрыл голову подушкой и уснул прямо в одежде.

* * *

Май. Было тепло, глыбы домов зевали окнами, в коридорах города – вечернее проветривание, люди держали друг друга за руки, за талии, за задницы, более одинокие держались за сумочки, за букеты, за газеты, кто-то держал слово, кто-то сдержал (хотя сдерживать его удавалось в мае с трудом) и поэтому гулял в одиночестве. Дети шалили, дети все время шалют, даже когда становятся взрослыми.

Я тоже держался за руку, за ее руку, тонкую и изящную, с белыми клавишами пальцев, я никогда не говорил, что люблю, но при этом никогда и не отказывался. Вдвоем нам было так же хорошо, как и в одиночестве, поэтому встречались мы чаще, чем разговаривали по телефону, мобильная связь, Интернет – это то, что больше всего отдаляет.

– Ты меня еще ни разу сегодня не поцеловал.

– Ты тоже.

– Я все еще от вчерашнего отойти не могу. Меня так приплюснуло не то ревностью, не то обидой, я не знала, что делать, куда идти и, главное – зачем. Хорошо, что ты вовремя вернулся в вагон.

– Не может быть! А с виду ты была ничего, даже не дымила, покраснела только малость. Я думал, ты держишь си-

туацию под контролем.

– Ну кто мог предположить, что в этом же вагоне едет твоя бывшая сокурница? Один шанс на миллион.

– Я же тебе сказал, что отсутствие шансов – это мой конек. Теперь убедилась в моем очаровании?

– В твоей предприимчивости. Я жду возмещения ущерба.

И я поедал малину ее губ, вдыхая сено волос, ладонь, проскользнув по талии, добралась до второго размера мышцы на коврике платья. Я был счастлив, это была моя любимая игра, там я занимал все пространство, в полный рост своих высоких чувств. Я поправлял ее волосы, смотрел в ее глаза, казалось бы – ничего особенного, вот они ресницы, вот они веки, вот оно стекло зрачков, полное любви: в них ни жалости, ни боли, ни лести. Настоящая любовь – любовь без вопросов. Море любви плескалось животной радостью в ее голубой бездне. Я бухал эту любовь, а она все не кончалась, и это состояние переходило в зависимость. От настоящей любви можно спиться, стать алкоголиком любви. Пойти в армию, – как подшиться: ни тебе поцелуев, ни девушки, ни свободы. Лечись.

Я ухаживал за ней трепетно и ненавязчиво, будто поливал цветок на подоконнике, который в один дерзкий момент должен был зацвести розовыми лучами рассвета. Я не предполагал, сколько времени это займет, но процесс настолько меня вдохновлял, что не хотелось торопить события, скорее, я их даже сдерживал, понимая, что всякий цветок имеет

свой закат. Судя по тому, как она шла ко мне навстречу, и ее это окрыляло не меньше, чистота вытесняла пустоту, когда мы разговаривали, паузы между словами несли еще больше смысла.

– Я все время думаю, насколько нас хватит?

– С такими темпами, мне кажется, еще на сотню лет...

Потом мы поженимся, ты родишь мне детей, я буду лежать целыми днями дома на диване, ни фиги не делать, только любить тебя, с каждым днем все больше и больше. Как тебе такое?

– Заманчиво, но на это я не клюну. Любить – это же так скучно, на одном и том же диване, с одной и той же женой – ты сойдешь с ума раньше, чем обезумеешь. Кстати, чтобы ты выбрал: сойти с ума или обезуметь?

– Я склоняюсь к безумству. Полюбишь меня безмозглого?

– Когда нет достоинств – любят за недостатки.

– Прямо-таки и нет?

– Ну, есть один – ты хороший.

– Звучит, как болезнь.

– А что тебе не нравится?

– Хороший – это значит тот, который живет по твоим правилам. Встречаешь ты его, а он открывает в голове своей инструкцию с пометкой «Ее правила» и следует им, пока с тобой не расстанется. Ты с ним прощаешься и думаешь: какой хороший человек.

– Что же думает другой?

– Примерно то же самое: как же хорошо ей со мной было!

Пусть теперь всем расскажет, какой я хороший.

– Слушай, мне еще в книжный надо зайти, кое-что посмотреть для домашнего чтения по английскому.

– Пошли, люблю между полком слоняться, в запахе типографии. Мне нравится в этом слове первая часть: мы тут типа графили для вас, типа столько умных книг для вас написали.

– В книжном сегодня аншлаг. Тебе не кажется, что люди слишком много читают? Неужели это действительно помогает им жить?

– Скорее, выжить.

– Откуда столько пессимизма?

– Выжать из жизни все. Веселые человечки треплют книги, они вытряхивают из них чью-то чужую истину. Наверное, своя опротивела, и рассуждают: «Вот так я хотел бы жить, а вот так – умереть, а это возбуждает, хотя и пошлость», смотрят на обложку, потом – на цену, потом – на тираж, и ставят обратно.

– Пошлость возбуждает сильнее, чем красота.

– Потому что ее можно потрогать, она всегда голая, а красоту еще надо раздеть.

– Но это же дорого.

– Если ты про свою, то да, это дорого, мне дается дорогой ценой.

– Ты слишком медленно раздеваешь.

– Просто я не тороплюсь.

– Да нет, ты боишься.

– Да – я трус, тушуюсь перед прекрасным. Черт, ты связалась с трусом. Та, что спряталась за трусами, связалась с трусом. Ок, сегодня я тебя возьму.

– Как эту книгу?

– Да, ты станешь моей настольной книгой, нет, лучше – надиванной, я буду читать тебя от корки до корки днем и ночью.

– Тогда уж до икорки.

– Ты эту решила взять?

– Нет, у этой мне не понравилась обложка.

– А вовнутрь ты заглянула?

– Название слишком много говорит за себя. Какие странные имена у книг!

– Не то, что у нас.

– Они уникальные, по ним можно определить, что внутри, по человеческим – никогда. Имя Мэри... Ничего не говорит, никакой информации. Выстраивай дальше отношения, чтобы что-то узнать, убивай время, нервничай, жди звонка... Не факт, что еще повезет.

– Поэтому у книг больше шансов стать нарицательными. Ты не преувеличивай свое значение – будешь неуязвима, зачем тебе эти нюансы, детали личной жизни, есть девушка Мэри. Хочешь? Бери, открывай, листай. Не хочешь – положи на место.

– Если каждый, кому я приглянусь, начнет меня брать, что от меня останется? Меня и так раздражают люди. Их тут слишком. Но я в отношениях с человечеством. Взять бы всех и бросить.

– Не разбрасывайся, у тебя все в единственном экземпляре, и я тоже.

– Смотри как обильно Донкова на Достоевского легла, всем телом положила на обе лопатки, – на полке под несколькими книгами Донковой лежал томик классика.

– Фолк, перестань пошлить.

– Чувствую, не отпустит, современное искусство тоже требует жертв. Смирись, классик, и отдайся.

– Фолк, перестань пошлить. Лично мне нравятся ее романы, легкие и интересные. Не грузят.

– Судя по фамилии, ей должно нравиться снизу. На дне.

– Вот ты привязался, «На дне» Горький, но не в моем вкусе.

– Почему? Ранний очень хорош, очень горький, он потом еще «Мать» написал.

– Ну это тебе, мне мать написала, чтобы я купила хлеба, хорошо, что напомнил.

– Горькому спасибо скажи. Ну, ты выбрала книгу? Пора, а то макулатура засасывает.

– Да, эту возьму. Ты ее не читал?

– Вроде, только на русском.

– Ну и как?

– Ничего, сюжет избитый, конечно, но язык хороший, с юмором.

– Английский.

– Представь, что мы не в отделе литературы, а в мясном, на прилавке куча иностранных языков: «Простите, у вас английский свежий? Тогда взвесьте мне килограммчик».

– Вот этот, подлиннее. Так что там дальше было по моей книге?

– Встретились двое, разница в возрасте у них – пропасть. Она колеблется: «Если он так мало ест, может быть, будет поменьше срать мне в душу?» – думала она, сидя напротив, на первом свидании.

– А без этих глаголов нельзя?

– Глагол из книги, кстати. Так вот: он был большим сочным поручительством ее счастливого будущего, но ее раздражали его губы, которые жевали слова, мясо, салфетки, ее уста. Губы, которыми он просил ее руки, она долго не давала, так как все еще давала другому, тому, с кем жизнь не складывалась. Ты бы что сделала на ее месте?

– Я бы подумала.

– Почему женщины начинают думать вместо того, чтобы любить?

– Потому что хоть кто-то из двоих должен думать.

– Потом идет внутренний спор ее черт характера и способностей: «Если с ним так трудно жить, может быть, будет легко умирать?» – фантазировала авантюра. – «Но ведь

счастливого будущее!» – шептала извилина. – «Да, да, я все понимаю», – хлюпало желание. – «Мне надо подумать!» – встала достопримечательность. Одним словом, она решила, что раз так долго думает, то это точно не любовь, что на х... любовь большую, что она у нее уже была, и что ей нужна еще больше.

– Складно излагаешь, может, ты ее сам написал?

– Нет, подсознание извергло.

– А ты наверняка пишешь сам.

– Пробовал.

– А почему мне не показывал?

– Слишком много личного.

– Вот где ты его прячешь? Колись, что там?

– Там описаны тысяча и одна ночь моей холостой жизни.

– Ого! Не тяжело носить столько опыта?

– Вот и приходится выплескивать.

– Как хорошо на улице после книжного магазина! Сразу жить хочется.

– Обычно я из библиотеки выползал с таким чувством... канцелярской крысой.

– Лучше уж канцелярской, чем подопытной.

– Подопытные – это те, которым не хватило опыта, чтобы их избежать.

Здравствуйте, мои дорогие,
Маша и Жанна!
Моя перешла в период
нарядного сезона. Здесь мой пост

Кираул! Кичиль туну,
Но ушу пограз в снегу
Умех в танду
В пиху пурту
Зисел с конца и нигуту.

Наглась великая снежная эпоха.
Мы буквально ~~в~~ ~~в~~ в
манне небесной, также барриков по
утру выстраиваем, эх мороз мороз
поливает такого, меня Амак бнял
стрим (Северное море под боком) в
нашу сторону - сразу потело, закопало,
бундло всенды. Не правдам, забавная тут
), осалость. Ценное послание обвело
меня теплой домашней-преддомашней
одиночкой было так приятно и
вкусно, эх, лезаце бы такие слабые
скорпруги доставляла моя. Пуловер
тотелька в тотельку и греет как бата
роя парового столплення, стельки
и носки тоже в кайср, особенно
на посту.

Бурсак, заслужил особое внимание
любк соноритал, вот где знают на-
циональное блюдо, они все душки
приглатывали от наслаждения.
Жиркоцинь с ногом такой усоб-
линь и ояршиль, а тут на тебе -
гаек с варенцеель, да не с одних.
спадко. Сивсидо, это рабавили кисную
преопроданильную среду такими велико-
пельель;

И вот я - суровый Служба сослая, оса-
до не обременяет (возможно втяну-
ся) и дни и ночью потемки с
кожаныи кожей все больше настанут)
Вартер рядовых бурно вспоминает
и предвещает (Грибданку, закусы
вая спящую болладу (маренными
картосонами) и заливая настояльно
мисками там.)

Да, справка боллава, обогнать
это письмо, она уже в пути.

Ну вот наконец-то и мама с
папой решились вырваться
в Ленинград. То все какие-то
проблемки, ставили подчешки на
какой светлой дороге (подчерк, как
пости коренной петроградец, сам
ваши все некатает, раскладает, а
мне будет достаточно ваших впе-
чатлений (совсем не обязательно поло-
милетельных) об этом суо-граде, а
также житье-бытье (славного горе-
студента). Распишите все, до мельчай-
ших подробностей, меня шутко интере-
сует ваше мнение. Маму Счастливо-
по вам отаю, мой ненаглядный

Снежный обвал всем нашим и
вашим от папиного снежного словеса

Крепко целую

Ваши
бравый
Ринат

Ноябрь год 5

вал глаза, его черные ресницы бросали серые тени предметам, дабы те прикрылись на ночь. Хотя молоко воздуха еще не остыло. Дом Мэри подходил к нам медленно и грациозно, он, сталинский, загоразживал небо серым кителем облицовки, как образ сурового вождя во времена строительства. Любопытство окон пряталось под веками штор, за каждым из них – хозяйство, частное, мелкобуржуазное – латифундии на замках. Нас съел прохладный подъезд, затем обнял лифт, чтобы доставить на последний этаж. На седьмой этаж – как на седьмое небо. Лифты созданы для поцелуев. Все еще продолжая целоваться, мы вывалились на площадку.

– Приехали, – Мэри раскрыла свою сумочку, из которой в ее ладонь бросился ключ, будто он страшно соскучился по своей хозяйке, лежа там в темноте, в ароматах косметики и подкладки. Мэри вложила его в рот входной двери и сделала три оборота, замок что-то прошамкал железными зубами, дверь отворилась.

– Прошу.

Все квартиры начинаются с коридоров: маленьких, тесных, больших, толстых, вытянутых, худых, темных, светлых, заваленных тапочками, шубами, коробками, велосипедами, с запахом и без. По сути – это просторный шкаф для одежды и обуви и камерный зал для медленных танцев встреч и расставаний. В этом коридоре не было ничего лишнего, даже я не был здесь еще лишним. Между словами «проходи» и «не стесняйся» всегда остается небольшая щелочка, в которую и

проскальзывает гость.

– Хорошо у тебя, светло.

– Не паясничай.

– Какое древнее слово, специально для меня хранила?

– У меня таких много, я думала, ты уже привык.

– Разве я похож на паяца?

– Нет, ты похож на предмет.

– На что?

– На предмет моей любви, – поцеловала она мою щеку.

– Ты так вкусно меня целуешь, что открывается аппетит.

– Ща, чай поставлю. Может, суп будешь?

– А какой?

– Солянка, мама варила.

– Нет, все равно не буду.

– В смысле – «все равно»?

– Я просто так переспросил, часто спрашиваешь, уже зная, что тебе это не нужно, а все равно спрашиваешь. Не обращай внимания.

– А что будешь?

– Пиво.

– Ты что, пьешь?

– Да, я постоянно пью, ты еще не знаешь, с кем ты связалась.

– Надо же, черт, ладно, сейчас покормлю и выгоню. Тебе какое?

– Мне все равно. Лишь бы холодное.

Мышь света выбежала из открытого Машей холодильника. За ней – банка пива, которая зашипела на меня ядовитой змеей, как на злейшего врага своим маленьким алкогольным ртом, когда я потянул ее за губу. Наверное, никому не понравится если потянуть за губу с такой жаждой.

Кожаный диван гостиной прогнулся и принял с недовольством делегацию моего зада и бедер. Я закинул ногу на ногу, придал первой задумчивый вид. Нога уставилась в пустое лицо выключенного телевизора, будто ожидала продолжения любимого сериала, о чем она могла думать – о свежих носках, о новых туфлях как о новой квартире, о другой ноге, с которой она уже прожила девятнадцать лет.

– Может, пойдем на кухню, пока я готовлю? – прервала ее мысли Маша.

– Уже иду, – дал я команду ногам.

Она была огромная и добродушная, я встречал разные: скверные, жадные, крохотные, грязненькие. На такой кухне я бы раздобрел. Мэри смотрела голодными нежными глазами то на мое лицо, то на шипящее с желтыми зрачками в сковородке. Когда она отвернулась от меня в сторону плиты, я понял, что физический голод победил духовный, но не собирался сдаваться и зайдя со спины, положил руки на ее бедра, губы – на шею.

– Любите меня, я пришел.

– Безумный.

– Как только тебя увижу, мозг сразу отключается, и пови-

нуюсь инстинктам.

– Сейчас проверю твой первый инстинкт, еда готова. Садись, животное.

– Лучше уж буду предметом.

– Садись, предмет. Я буду за тобой ухаживать, любить, готовить.

– Вытирать с меня пыль, чинить, если испорчусь, а когда приду в полную негодность, отнесешь меня в комиссионку или отдашь в добрые руки. Вкусно, хотя для этого пришлось лишиться зрения глазунью, она осталась без взглядов на жизнь.

– Кошмар, ты выколол ей вилок мирозрание! А ты жесток.

– Это от нехватки любви. Мало ты меня любишь.

– Дозированно. А то привыкнешь, подумаешь, что это вредная привычка, и бросишь. Я вредная, конечно, но не привычка.

– Сегодня не брошу точно. Уж слишком мне здесь нравится, и вечер, и кухня. Как тебе идет кухня, почти как это красное платье, хоть оно не имеет задницы, но умеет сидеть хорошо. Видимо оно, как и я, любит комфорт.

– Да ты еще и меркантильный.

– Практичный. Это профессиональное, я же на менеджера учился.

– Кого хотел организовывать?

– Организмы.

– Для чего?

- Чтобы жили гармонично, а не по прихоти.
- И начал с моего?
- Ты же совершенство.
- Лыстец.
- Неисправимое совершенство. Неужели и у совершенства есть проблемы?
- Спать люблю по утрам и сладкое обожаю.
- Здесь ты не одинока. Надо что-то выбирать.
- Вот это и есть самое трудное.
- Ладно, со сладким я тебе помогу. Тащи. Ты это сама пекла?
- Ну да, для тебя старалась.
- Вкусно. Чтоб я так жил. Все, решено, выходи за меня замуж. Добавишь одну букву к имени, и все.
- Тебе бы еще жить да жить, но я согласна.
- Ты хочешь сказать служить да служить?
- А что ты имеешь против брака?
- Молодость.
- Это аргумент.
- Но ведь я тоже молод.
- В этом-то и проблема. Ты же сбежишь после медового месяца.
- Куда я могу сбежать с такой кухни, от такого платья, сама подумай!
- Ну, во-первых, это не моя кухня, а моих родителей.
- Кстати, они скоро придут?

– Нет, не очень, точнее – завтра, они на даче.

– О, у тебя еще и дача есть? Шикарно!

– Ты неисправим, щас зацелую вусмерть, высосу из тебя эту корысть.

– Вот где настоящий десерт, клубника со сливками. Ничего не ел вкуснее твоих губ. Довольная у меня морда?

– Как у кота. Как там твой кот, кстати?

– Зверь совсем обнаглел. Ничего не хочет делать, квартплату не платит.

– Распустил ты его.

– Жениться, говорит, хочу. Все время на улицу норовит сбежать. Так что там во-вторых?

– Я не собираюсь всю жизнь провести у плиты.

– А как собираешься?

– Долго и счастливо.

– Это точно, ты всегда так долго собираешься.

– Как ты меня достал!

Вооружившись этим предлогом, она снова обняла меня, как теплое море – послушный берег.

– Может, это и есть счастье?

– Что?

– То, что происходит сейчас между нами.

– Значит, счастье где-то между нами. Точно, именно короткое замыкание создает счастье, я еще ощущаю его электричество. А если оголить контакты, то от счастья может загореться.

– Счастье дернет током.

– Стоит только раздеться.

– Ты про булочки с сексом?

– Да, иди сюда, моя булочка с сексом! – И я обнял ее еще сильнее.

– Спасибо.

– За что?

– За булочку.

– Ну ладно, не булочка, пирожное. Хочешь быть пирожным?

– Хочу.

– Нет, пирожным нельзя, так ты сама себя съешь.

– Иногда именно этим я и занимаюсь, да и люди тоже: едят себя, едят других, а насыщения все нет. Сытого не накомишь.

– Это называется анорексия?

– Нет, археология. Я имею в виду самокопание. Лежишь перед сном и думаешь: правильно я живу или не очень, и как это – жить правильно, если вокруг столько неправильного, как это – жить с тобой, как это – жить без тебя. Смогу ли я выйти, не только замуж, но и за пределы своего мира, где ты разобьешь сад на моем теле, будешь за ним ухаживать, высадишь семена, я выращу цветы.

– Как ты глубоко копаешь.

– Предполагаю, что тебе этого будет недостаточно, ты кинешься мне изменять с телевизором, с пивом, с футболом, с

диваном или трахаться с творчеством, но я не ревнивая, скоро забеременею шедеврами, найду себе отдушину, мне будет чем заняться, когда цветы пойдут в школу.

– Мне нравится. Я бы так хотел.

– Еще чаю?

– Пожалуй. Мне бы длинную руку, я бы сам себе налил и мог бы почесать свою спину, сыграл бы тебе на контрабасе, держа его как скрипку, раздвинул бы облака и поправил солнце, как зеркало заднего вида.

– А мне бы длинные ноги.

– Куда еще длиннее?

– Тогда можно было бы не выходить на улицу, отпускала бы только ноги.

– И где бы я их потом искал? Вы не видели, тут стройные ноги не пробегали?

– Весной их полно на улице. Кругом одни ноги и груди.

– Серьезно? Может, я живу не в том районе. Сейчас проверим. Шикарный вид из твоего окна. Я открою – послушать город?

– Конечно.

Под ногами широко и непринужденно валялся его центр, протягивая мне в окно неорганизованный букет звуков, как из оркестровой ямы перед концертом. По кровеносной системе улиц, как участники вечного марафона, беспощадно двигались люди, обутые в железные сапоги, ботинки, кроссовки, бахилы, тапочки б/у и совсем новые, грязные и бле-

стящие, странные и иностранные, разных цветов и размеров – машины с одинаковым любопытством мчались и туда и обратно. Дела были разбросаны повсюду, и каждый пытался найти свое. Земля культурно поросла камнями зданий, каждый из которых – личность, создающая пространство, убери его – пропадет и оно. Среди них гуляли люди, тоже личности, убери их – и пространства станет больше. Скорее всего, они и не гуляли вовсе, а спешили. В городе люди все время спешат и все время опаздывают, им не удержать навязанный ритм. Это не зависит ни от желания, ни от расстояния, ни от скорости. Все дело в том, что время независимо.

– А из твоего окна что видно?

– Помойку и немного неба. Сегодня утром я видел, как двое ковыряются в мусорном контейнере, выбирают вещи, выброшенные городом, человечеством, самой природой. Тихо падал дождь на их красные азартные лица. Неужели кто-то сказал им, что выбросил вчера случайно чулок с деньгами? Видимо, это хобби, как ходить по грибы. Потому что иногда я встречаю ковыряющихся там пенсионеров.

– Может, они ищут там жизнь, выкинутую случайно в спешке?

– Может, обнаружили потерю, когда посмотрели в зеркало, лицом, сдавленным обстоятельствами и тупыми предметами. И так каждое утро, я вижу один и тот же фильм в окне. Нет, видимо, опять не нашли ничего похожего, кроме алюминиевых банок, которые они плющат ногами, как будто че-

канят автопортреты. Только творчества в этом немного.

– Когда голодно, не до творчества. Лица у них действительно размыты, словно хотят стереться в плоскость, уйти в горизонт.

– Так или иначе, некоторые люди встречаются в кафе, некоторые – на помойках, такие разные и такие одинаковые.

– У тебя несколько мрачное представление об окружающем мире. Почему я этого не вижу? Может, не обращаю внимания?

– Это реализм. Его нельзя увидеть, можно только почувствовать, потому что каждый видит только то, что хочет видеть. Думаешь, отчего люди теряют зрение – просто не хотят видеть то, что очевидно.

– Теряют слух оттого, что не хотят слышать?

– Или надевают наушники. Теряют желание оттого, что больше не хотят. Ты живешь на другой стороне мира, ласковой и яркой, с родителями и пирожками, с заботой и пониманием, с отоплением и удобствами, со связями и стартовой площадкой.

– Ты хочешь сказать, любовь не греет, греют батареи?

– Главное, чтобы они не разрядились, твои батарейки, пока я буду на службе.

– Не волнуйся, ты будешь ощущать это тепло. А как твой старик из соседней комнаты?

– Старика увезли в больницу, он совсем плох стал, дня три тому назад приехала «скорая», я помогал его спускать.

Он все говорил мне, чтобы я не бросал учебу.

Так вот, я впервые зашел к нему в комнату, в нос мне дал затхлый запах, еле увернулся, там сидел врач «Скорой помощи», уставший, он мне пожаловался: «Сегодня сплошные люди-призраки, какое нездоровое общество нездорового государства!» Я ему: «Ну, здоровый и счастливый вряд ли вызовет “скорую”, или те, кому хорошо, тоже набирают ноль-три?» Он улыбнулся: «Ну, если только им слишком хорошо».

На кровати лежал человек с ручками из вен, как у плетеного кресла, на ковре рядом с кроватью висел его пиджак с орденами, из тех, что, наверное, надевают на 9 Мая, раз в году, к орденам на веревке привязана пластмассовая банка из-под селедки или чего-то такого, в ней – моча, видимо, ему сложно стало ходить, поэтому он писал в банку.

– Жутко... Я точно из другого мира.

– Так живут рядом с нами герои войны, на проспекте Ветеранов, а по сути – Инвалидов, по сути, доживают. Опять я тебя загрузил. Ты сама спросила.

– Я опять подумала про армию. Может, не стоит идти туда? Такие жертвы – ради чего?

– Ну, это же эхо Второй мировой. А мы живем в мирное время, все будет в порядке со мной, не парься.

– Тебе не кажется, что мировая война звучит слишком противоречиво?

– Как ни странно, чтобы сохранить мир, приходится воевать.

– Что у тебя нового на стройке? Вообще, это интересно – строить?

– Строить, наверное, интересно, а вот быть строителем – не очень, люди работают из-за денег, особенно строители. Люди сошли с ума, они сегодня работают только ради денег, их больше ничего не интересует, мир сузился до размеров зарплаты, потому что они решили, что им не хватает именно денег, чтобы его расширить, они копят на путешествия, наживая горбы, плюнув на любимое дело, то, чем они действительно хотели бы заниматься.

– Разве это плохо – зарабатывать?

– Но не такой ценой. В принципе, зарплата – это цена, ты приходишь в магазин, там на полках лежат разные работы, ты выбираешь, делаешь, и тебе платят. Но в некоторые магазины просто не пускают, они только для избранных или, скажем, только для белых. Тяжело там, на стройке. В основном это гастарбайтеры, они приехали из дружественных стран, жоп, таких же независимых, как и наша, из одной попали в другую, более щедрую. Такое впечатление, что не только люди, даже климат стал прогибаться: люди двинулись на север с юга, и глобальное потепление – за ними. Если бы не они, то и строить было бы некому, да и мусор на улицах убирать тоже, погрязли бы в нем, а может, копили бы его в квартирах, в себе.

– Независимая жопа... Вижу, ты не теряешь оптимизма.

– Оптимизм обречен, так как смертельно опасен. Мне ка-

жется, что благодаря ему теряю нечто большее: в то время как я пытаюсь продать свою жизнь в розницу, кто-то ее предпринимчиво купил оптом, вместе со школой, университетом и этой стройкой, а мы все пыхтим, тужимся, спешим там, где можно уже расслабиться. Никто бы не хотел всю жизнь на стройке, на заводе, в офисе. Все думают: немного поработаю, только с делами или кредитами разберусь, и займусь чем-нибудь любимым, но хрена с два, болото засасывает. Так что если я туда вернусь, то только архитектором. Вернусь из армии – пойду в архитектурно-строительный.

– Уходишь на целый год, тебе не страшно?

– Опять ты про свое! Я же не на войну. Давай поговорим о чем-нибудь банальном.

– Просто такие кошмары про армию по телеку показывают.

– По телеку всегда показывают кошмары. Страх – лучшее успокоительное для народа. Итоговые новости – как вечерняя инъекция ужаса. На хрена ты его вообще смотришь? Я бы выкинул.

– Да я не смотрю почти. Выкидывай.

– Леня тащить на помойку. Ладно, пусть приглядывает за тобой, пока меня не будет. Как у тебя в универе? Как твой юный философ, что глаз на тебя положил, пора бы ему его уже забрать, место занимает, а то я могу и помочь.

– Это что, ревность?

– Нет, я только пытаюсь себя заставить.

– Сегодня смешно получилось: я опоздала на пару, только вошла, а он мне вопрос какой-то про Гегеля. Я говорю: «Дайте отдышаться». «Ладно, раздевайтесь пока», – говорит. Я ему: «Все снимать?» А он мне: «Знаешь что – я скажу, когда хватит».

– Так ты сама с ним заигрываешь. Не жалко тебе парня?

– Надо же как-то развлекаться. Когда становится жалко, появляется скука.

– А что по испанскому? Глаголы зубришь?

– Да, учу неправильные глаголы прошедшего времени.

– Сколько можно-то? Уж и время прошло, а ты их все учишь. Подумай о будущем.

– Будущее мы еще не проходили.

– Когда ты его пройдешь, оно уже станет прошедшим, я тебе помогу с ним, когда вернусь. Ждать тебе осталось немного.

– Я люблю ждать, так что у тебя никаких шансов. Ты попал. И жить тебе со мной до самой страсти. До самой старости я хотела сказать.

– Неплохо получилось. Пошли за страстью. Устроим сегодня романтическую ночь.

– Отвальную ночь.

– Завальную. Завалюсь на тебя всей своей похотью.

– Мне уже страшно.

– Давай только не здесь, здесь родители спят. В смысле мама с отчимом.

– И тебе все слышно?

– Фрагментами.

– Как отчим?

– Он хороший. Добрый, но спокойный.

– Интересная формула. Значит, тебе повезло. Давно хотел тебя спросить, если это уместно. А что с отцом?

– Не знаю точно: шел, шел и в один мерзкий день сошел с ума.

– Жил с психиатром и сошел с ума?

– Мама – не сахар, хотя и врач, а он растаял, поплыл – музыкант, весь в творчестве, в оркестре, в своей трубе, то на репетициях, то на гастролях. В общем, появился третий. Видимо, он не ожидал. И съехал с катушек.

– Третий всегда все испортит. На троих только соображать хорошо, а вот жить-то, наверное, не очень. Ладно, опять мы в прошедшее влезли. Боюсь, щас окислишься, как микросхема.

– Сам ты микро. Но вспоминать не хочется.

– Хороший диван. Твой? Я бы с такого вообще не вставал.

– Да, я на нем сплю. И мечтаю тоже на нем, и ем, и книги читаю, и уроки делаю.

– И целуешься...

Я утонул в шелках ее волос, вслед за руками тихо сползала одежда, пока я разоблачал ее гибкое тело, губы не выпускали ее губ, прохладные и влажные, и те и другие говорили, говорили, говорили, весь их диалог начинался с «Я люблю

тебя – я тоже тебя люблю» и выливался в «Я хочу тебя – я тоже тебя». Мы слились в одно целое на васильковой поляне постели, в окно поддувал теплый бриз улицы. Что еще нужно для счастья?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.